

-Б

орислав Николаевич, что-то не верится, что вы в жизни ни капли не выпили...

— Уже устал повторять: да грешен я. Гре-шен! Другое дело, что у меня особое отношение к алкоголю. И оно имеет глубокие корни. Помню, лет восемь мне тогда было, приехали мы с отцом в райцентр Иванково — я рос в деревне на Кившине...

— Ваш отец кем был?

— О, он у меня был знаменитостью — воевал в гражданскую в 25-й Чапаевской дивизии. У него было именное оружие за его героизм: шашка и пистолет. Это с него «списали» одного из персонажей в фильме «Чапаев» — мальчика, который на кухне с денщиком Потаповым рассуждает о будущей жизни. В 12 лет мой отец был тяжело ранен в бою — казак рубанул шашкой по голове. Чапаев очень любил моего отца, был страшно расстроен, когда это случилось. И приказал доставить его в Москву — это с Урала-то! — показать лучшим врачам и вылечить во что бы то ни стало. И его на перекладных, замотанного в шинели, обходя белоказами разбегды, доставили в Москву. И тем самым спасли ему жизнь. Но полностью поправиться он так и не смог...

Так вот, зашли мы в забегаловку — отец любил пиво, любил к водочке приложиться. Взял он себе и мне вдруг взял — кусочек голландского сыра и пива кружку. И таким мне оно показалось противным, что до сих пор в рот его не беру.

— А горилку?

— Баловался. Но никогда не перебирал. На моих глазах из-за горилки ломались судьбы многих прекрасных актеров, и это меня сдерживало. Всего лишь два или три раза за свою жизнь я был пьяный. Но только дома — не на работе. Нет, вру, было. Единственный раз, в Москве, когда заканчивал сниматься в «Вас ожидает гражданка Никанорова». Друзья затащили в какую-то компанию... Пришлось просить Леню Марягина, режиссера, отменить в тот день съемку. До сих пор стыдно за тот случай.

— А мне вот рассказали, что у вас были серьезные неприятности с руководством Киностудии имени Довженко из-за пристрастия к спиртному. Вас однажды даже исключили из штата, но нашлись добрые люди, замолвили сло-

ЛИЦО НЕДЕЛИ

БРОНДУКОВ

Сенсация!

Газеты сообщили, что «лучший друг советских алкашей» (согласитесь, вряд ли кто органичнее представлял на экране любителей «зеленого змия»), оказывается, убежденный трезвенник.

во. И директор студии по фамилии Цвиркун милостиво согласился вас принять. Перед тем как пойти «на ковер», вы зашли в студийный буфет, там ваши приятели что-то отмечали. Вы подошли поздороваться, приличия ради взяли за рюмку, как тут заходит Цвиркун. Все застыли, как в финале «Ревизора». И тогда вы, улыбаясь, потянули рюмку с рюмкой в его сторону и сказали: «Доброго здоровья!»

— Да нет, нет, не совсем так было... Это старая история. Я действительно ушел со студии, поругавшись с директором, но вовсе не из-за пьянок. Потом вернулся. Это был личного характера конфликт. Он касался только меня и директора.

— Это при вашей-то коммуникабельности и популярности — конфликт?

— Моя популярность накладывала на начальство ответственность за мою, так сказать, политическую благонадежность, выдержанность. Потому-то, начиная с 1968 года, когда обо мне говорили после фильма «Каменный крест», меня стали усиленно звать в партию. Я отбрыкивался, шутки всякие отмечивал. Идет, например, встреча со зрителями в областном центре. Рассказываю: «Захожу сегодня к директору обкома...» — «К секретарю...» — поправляют меня. А я будто не слышу: «И директор обкома...» Зал хохочет, а на следующий день в студию возмущенный звонок. Кончилось тем, что после очередной агитбеседы я ляпнул секретарю парткома: «В гробу видел вашу партию». У того челюсть отвисла. И в тот же день сняли мою фотографию со стенда «Лучшие люди студии».

-Вы снимались у многих известных режиссеров: Данелии, Рязанова...

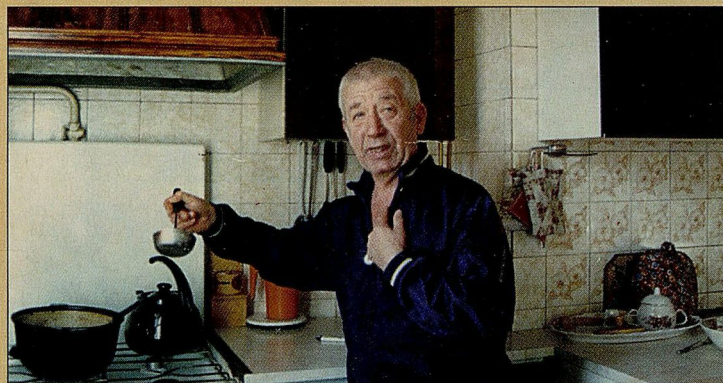
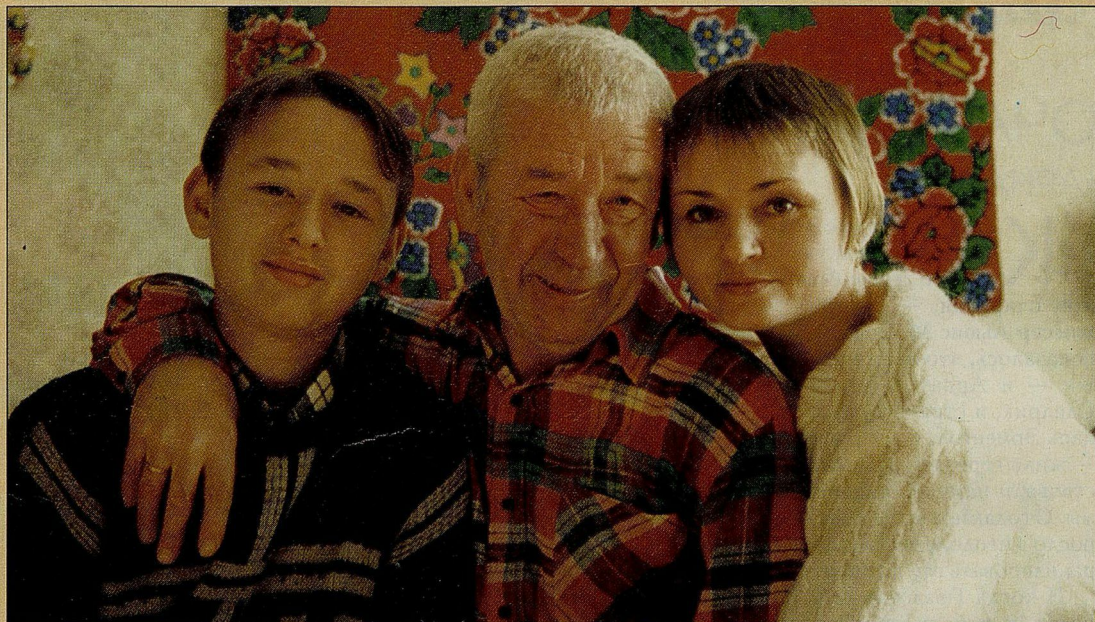
— С Данелией я подружился после «Афони». У меня, между прочим, по сценарию была крошечная роль: лишь однажды мой Федул появлялся, да и то в небольшом эпизоде. Накануне съемки режиссер стал объяснять мне мою задачу. Отняли. «А может, мы еще вот так попробуем?» — предложил я. Попробовали. По ходу стали возникать еще какие-то детали, штрихи, ситуации, эпизоды. Данелия увлекся, как и я, стал выстраивать новую сюжетную линию. А через несколько дней

Г.В. Цвиркун - 1995 - 18-24 дек. - с. 89

схватился за голову: «Стоп! Это о ком же я кино снимаю? Об Афоне или о Федуде?» И Федуд был «изгнан» с экрана. А я стал «данелиевским» актером.

— Однако далеко не все режиссеры так вот прислушиваются к актеру...

— Каждый по-своему работает. Эльдар Александрович, например, любит все растолковать актеру, показать — вплоть до интонаций. Так было и на съемках фильма «О бедном гусаре замолвите слово», я там играл надзирателя. Однажды на репетиции эпизода в тюремной камере, где мы с Евгением Леоновым режемся в карты, Рязанов проиграл передо мной мой монолог и стал требовать, чтобы я в точности все повторил. «Может, тогда и снимем вас?» — говорю. Он

обиделся, зашумел. И я обиделся: «Не надо меня за ручку водить, давно уже не маленький. Может, эту роль я уже трижды в душе пережил...» Он замолк, тяжело так на меня посмотрел и после долгой паузы сказал: «Будем снимать».

Дней через пять привезли проявленный материал. Выйдя из монтажной, Рязанов собрал съемочную группу, подошел ко мне и попросил у меня прощения. Я оторопел от неожиданности и... влюбился в этого замечательного человека.

— Скоро мы увидим ваши новые работы в кино?

— Это не ко мне вопрос. Последний раз я снимался в «Мастере и Маргарите», играл Варенуху. Прекрасная характерная роль. Слышали, конечно, что стряслось с этой картиной. Даже сам режиссер, Юрий Кара, не знает, где она и что с ней... Какой-то рок висел над ней, над всей съемочной группой.

— И над вами висел?

— А чем я лучше других?

Параллельно со съемками в «Мастере» я озвучивал свою картину в Питере. И вот закончил озвучение, получил гонорар и решил напоследок еще раз

вдоволь побродить по городу, который так люблю. И, представьте себе, на совершенно пустынной улице меня... сбита машина. Упал, очнулся в каком-то подъезде — не знаю уж, через сколько времени. Рядом находились «террористы» — смертельно перепуганная супружеская пара. Муж, он был тогда за рулем, дрожащим голосом клятвенно заверял, что вовсе не собирался ехать по этой улице, что руль его не слушался, когда был совершен наезд на меня. И я почувствовал себя Варенухой. В жизни.

— Когда приходят минуты досуга, чем предпочитаете заниматься?

— Раньше очень любил готовить.

— Раньше?

— Теперь, когда со здоровьем стало неладно, жена сняла с меня все заботы по дому.

Какой борщ я варил! А мясные блюда! Да что угодно мог приготовить. Возвращаясь из поездки, а поездить мне пришлось на славу, я объявлял: «Марш все из кухни!» Это было у нас как ритуал. И превращался в шеф-повара. Все де-

лал: и завтрак, и обед, и ужин. И первое, и второе, и третье, и закуски.

Это с холостяцкой поры осталось. Женился я поздно... Между прочим, мама всячески отговаривала меня от этого, на ее взгляд, опрометчивого шага: слишком, мол, молодая моя избранница. Потом настаивала, чтобы развелся. В общем, подбирила мне невесту на свой вкус и цвет до тех пор, пока я не стукнул кулаком по столу: «Буду жить с Катериной до конца своих дней». Я счастлив, что оказался прав.

— Дети есть у вас?

— Двое сыновей, живут с нами. Старшему, Косте, уже 26, осваивает профессию крупье. А младший, Богдан, окончил среднюю школу и теперь учится на автомеханика — с детства любит машины. Дали мне хорошую квартиру в центральной части Киева.

Жена, актриса кино по профессии, состоит, как и я, в штате студии. Но поскольку фильмы у нас почти не снимаются, работы почти нет.

— Но заплату-то платят?

— Настолько мизерную, что и говорить неловко. Костя выручает: приносит в семью деньги. Но он пока мало зарабатывает. И чтобы хоть как-то свести концы с концами, Катерина шьет подругам, знакомым. Она прекрасно шьет. Училась в свое время в портняжном училище — еще до встречи со мной.

— И как вы познакомились?

— Мы были большие друзья с Иваном Миколайчуком, Царство ему Небесное. Это он надумил меня жениться. К тому времени, к 36-ти, я уже стал убежденным холостяком, у меня, что называется, гулял ветер в голове. Жил легко и беззаботно, совершенно не думая о завтрашнем дне.

Сидели мы как-то вчетвером: я, Иван Миколайчук с женой и подругой жены Катериной, совсем еще девочкой. И повел я ее домой. Потом еще раз... И сказал мне Иван: женись, лучшей жены тебе не найти. Если б вы знали, как я ему благодарен.

Геннадий Белостоцкий

